ИСТОРИЯ

Преданья старины глубокой

Новый труд Бориса Акунина «История российского государства» стал одной из самых обсуждаемых книг последнего времени. Удалось ли писателю стать новым Карамзиным?

Первая книга нового акунинского проекта посвящена древнейшему периоду истории России — «от истоков до монгольского нашествия». Вот уже третий месяц она остается лидером продаж в крупнейших столичных книжных магазинах, несмотря на довольно высокую цену — семьсот с лишним рублей... И все это время не утихают споры об акунинской «Истории». Те, кому она не понравилась, обвиняют автора в отсутствии патриотизма и чрезмерном западничестве. Апологеты, наоборот, заявляют, что это «книга для героя нашего времени» и что каждый уважающий себя человек просто обязан ее прочитать, а «травлю организовали кремлевские чиновники в отместку за белоленточную активность Акунина». Говорят, что в некоторых учебных заведениях «Историю» от Акунина уже рекомендуют читать в качестве дополнительной литературы. *«Я хочу знать, как было на самом деле* (курсив автора. — «**Профиль**»). Истина или версия, наиболее близкая к истине, — вот что мне нужно», — написал Борис Акунин, представляя свой проект. При этом писатель признался, что «всегда мечтал стать новым Карамзиным». Что ж, если судить по ажиотажу, который вызвал первый том его «Истории», некоторого сходства с классиком ему достичь удалось. Между тем главное отличие акунинского труда от карамзинского в том, что «История» Карамзина, вышедшая в начале XIX века, не только отвечала тогдашнему запросу общества на знания о своем прошлом, но и соответствовала существовавшим на тот момент требованиям к научности текста. Акунин же перед своей «Историей» такой задачи явно не ставил. Его метод прост: «Я читаю имеющиеся первоисточники, стараясь ничего не упустить, и смотрю, как содержащиеся там сведения интерпретированы различными авторами. Из всей этой массы фактов, имен, цифр, дат и суждений я пытаюсь выбрать все несомненное или по меньшей мере наиболее правдоподобное». Что получилось в результате применения такого метода, мы попытались разобраться вместе с заведующим кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ «Высшая школа

РИА «Новости»

Сергий Радонежский благословляет Дмитрия Донского на Куликовскую битву, миниатюра Лицевого летописного свода середины XVI в.

экономики», доктором исторических наук **Игорем Данилевским**. Специально для поклонников Бориса Акунина оговоримся: мы обсуждали не идеологию книги, а только метод ее автора. И вывод, к которому мы пришли, весьма неутешителен: Борис Акунин написал весьма архаичное произведение.

ПРОФИЛЬ: Игорь Николаевич, как профессиональные историки оценивают «Историю российского государства» Бориса Акунина?

Данилевский: Если коротко, то это произведение можно отнести к жанру, который называют folk-history, — это когда дилетант пишет для дилетанта, излагая свою личную точку зрения на прошлое. Собственно, сам Акунин об этом и говорит. Это невероятно распространенный жанр — таких книг каждый год выходят сотни, если не тысячи. Единственное их отличие от этого произведения в том, что на них не значится фамилия «Акунин», которая, конечно, придает «Истории российского государства» широкий общественный резонанс.

ПРОФИЛЬ: Чем этот жанр отличается от научно-популярной литературы?

Данилевский: Очень просто: научно-популярная литература — это доступное изложение того, что на сегодня известно науке, а не конкретному автору, в данном случае Борису Акунину.

ПРОФИЛЬ: Нет сейчас и таких всеохватных произведений по истории, как говорится, от Адама до Постдама. Почему?

Данилевский: Сейчас такой подход представлен в учебниках, в них в систематическом виде излагаются основные достижения науки с древнейших времен до наших дней. Что же касается тотальных описаний прошлого «а-ля Карамзин» — это, конечно, позапрошлый век. Недаром же по русской истории серьезных книг такого рода не выходило после Сергея Соловьева. Уже в XX веке такой подход был невозможен. И главная причина — в скорости и объемах накопления научного знания. Масштабные обобщения страдают тем, что автор просто не в силах освоить весь массив информации, который накопила наука даже за последнее десятилетие. А раз не может, неизбежны лакуны или прямые натяжки. Яркий пример — трилогия американского историка Александра Янова «Россия и Европа». Очень интересная концепция, но в фактическом материале есть явные пробои. И это не его вина, это объективная ситуация, связанная с колоссальными объемами научной информации. То же самое можно сказать про работы Льва Гумилева: у него красивая, оригинальная идея, но фактический материал провальный.

ДОСЬЕ

Игорь Данилевский *родился 20 мая 1953 года. Окончил исторический факультет Ростовского госуниверситета. В 2001—2010 годах — замдиректора по науке Института всеобщей истории РАН. С 2011-го — завкафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ «Высшая школа экономики». Автор книг «Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.)», «Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.)» и др. Доктор исторических наук (2004). Ординарный профессор НИУ ВШЭ (2013).*

ПРОФИЛЬ: Но мы говорим о трудах историков, а Акунин изначально заявлял, что его произведение предназначено не для историков, а для тех, кто плохо знает историю. Может быть, для них это выход?

Данилевский: Не думаю. Мне кажется, прочитав такую книгу, они будут знать предмет еще хуже. Ведь в «Истории российского государства» целый ряд положений не соответствует ни источникам, ни современному состоянию исторической науки. Есть там и явные ляпы. Например, там вводится совершенно новая, но при этом ни на чем не обоснованная терминология — например, «русославяне». Это какое-то чудовищное порождение! Появляются фиктивные прозвища для реально существовавших князей, например, Ростислав Отравленный, Давыд Жестокий. Нет таких прозвищ ни в источниках, ни в последующей историографии! К этому добавляется не всегда верное понимание Акуниным источников и той научной литературы, на которую он пытается опираться. Например, заявление, что Ярослав Мудрый ввел лествичную систему восхождения князей на престол (принцип передачи власти, который предусматривал наследование не от отца к сыну, а от брата к брату, а значит, преимущество дяди перед племянником, старшего брата перед младшим. — **«Профиль»**), — это грубая ошибка. Наоборот, Ярослав ввел династическое правление по княжествам, а лествичная система фактически им была отменена. Акунин с удовольствием пересказывает явно легендарные сведения из «Повести временных лет», принимая их за рассказы о подлинных событиях. Однако уже полвека назад было доказано, что «Повесть» содержит в себе в том числе так называемые кочующие легенды, бродячие сюжеты, повторяющиеся в памятниках, возникавшие у разных народов. К сожалению, Акунин вообще не представляет, что такое летописание и как оно развивалось. Поэтому он без всякого критического анализа цитирует и Лаврентьевскую летопись, и Никоновскую летопись, хотя сведения, которые в них содержатся, разделяют века. При этом Лаврентьевскую он цитирует в переводе на современный русский язык, а Никоновскую — на древнерусском, потому что Лаврентьевская переведена, а Никоновская — нет. Наконец Акунин пишет о ранней хронологии русской истории. Но он не имеет представления о том, что вся хронологическая сетка «Повести временных лет» — это вовсе не ошибки летописца, которые он пытается исправить. Проблема куда серьезнее: эти даты расставлены задним числом гораздо позже времени написания текста — на рубеже 60—70-х годов XI века. И на каких основаниях они там расставлены, никто не знает. Поэтому его попытки выстраивать какую-то связную хронологическую линию как минимум наивны. И таких ошибок в «Истории» хоть отбавляй...

ПРОФИЛЬ: Как вы оцениваете методологию Акунина, который в предисловии сообщает, что из всего массива информации он отбирает наиболее правдоподобную?

ИТАР-ТАСС

Автор бестселлеров про Эраста Фандорина, Борис Акунин решил увлечь публику историей Древней Руси

ИТАР-ТАСС

Школьникам вряд ли стоит изучать прошлое по книгам Бориса Акунина

Данилевский: К сожалению, критерий такого отбора может быть только один — здравый смысл самого автора. Ему кажется, что так могло быть, а так не могло; что люди действовали, исходя из тех или иных мотивов. Но на самом деле это мотивы не людей IX—XII веков, а мотивы самого Бориса Акунина. Вероятно, он считает, что в аналогичной ситуации он мог бы поступить или не поступить именно так. Это то, что называется презентизмом, когда людям прошлого навязывают ценностные категории современности. Такая «реконструкция» ничего не дает нам для понимания, почему люди той эпохи поступали так, а не иначе. Это профанация истории в самом буквальном смысле слова.

ПРОФИЛЬ: То есть и жанр тотальной истории — архаика, и цель — рассказать читателям, «как это было на самом деле», — тоже архаика?

Данилевский: Это даже не конец, а середина XIX века, когда такую цель впервые поставил перед собой немецкий историк Леопольд фон Ранке, который писал как раз тотальную историю Германии. Но уже к концу того же XIX века профессиональные историки поняли принципиальную недостижимость этой цели. Историки ведь не имеют дело с прошлым как таковым, они имеют дело либо с фрагментами материальной культуры, например, археологическими памятниками, либо с образами, в которых это прошлое запечатлелось, то есть письменными памятниками. Ни то, ни другое не дает нам возможности восстановить целостную картину того, «как это было на самом деле». Как было на самом деле, не знает никто. Всегда нужно отдавать себе отчет, что в истории есть вещи, которые можно точно обосновать и доказать, но есть вещи вполне гипотетические... Но архаичен не только жанр, метод, но и литература, к которой обращается Акунин. Он, видимо, очень внимательно проштудировал Карамзина, Соловьева, часто ссылается на Ключевского. Но из более поздних авторов он цитирует только классика советской историографии Бориса Рыбакова, известного своими далеко не бесспорными построениями (его Акунин, как он сам пишет, цитирует «с удовольствием»). Но наука за 150 лет ушла далеко вперед. Так что и здесь мы имеем дело даже не со вчерашним, а с позавчерашним днем.

ИТАР-ТАСС

Вышедшая в начале XIX века «История государства Российского» Николая Карамзина соответствовала существовавшему на тот момент уровню научного знания

ПРОФИЛЬ: Идея автора, о которой он пишет в самом начале, — непредвзято, без какой-либо предварительной концепции проанализировать информацию и преподнести ее читателю. Имеет ли такой подход право на существование? Для написания истории нужна предварительная концепция или картинка может выстроиться сама собой?

Данилевский: Думаю, вы сами знаете ответ на этот вопрос. Каждый человек, который садится писать историю, имеет в голове какую-то предварительную концепцию. Если кто-то говорит, что он никакой концепции не имеет, он просто ее не верифицирует, просто не рефлексирует по этому поводу. Он просто идет по линии наименьшего сопротивления в общении с самим собой. Против неосознанных механизмов выстраивания истории в свое время выступал крупнейший мыслитель XX века Ганс Георг Гадамер, который писал о невозможности беспредпосылочного знания. Исторический источник сам по себе ни о чем не говорит, он лишь отвечает на те вопросы, которые ему задает исследователь. Если исследователь не рефлексирует по поводу тех вопросов, которые он сам задает, то это проблема самого исследователя.

ПРОФИЛЬ: Акунин признает, что он дилетант. На ваш взгляд, может дилетант писать для дилетанта?

Данилевский: Если говорить всерьез, то нет. Конечно, в реальности дилетанты сплошь и рядом пишут для дилетантов. Но это беда.

ПРОФИЛЬ: По вашему мнению, на какой образовательный уровень рассчитан этот труд?

Данилевский: Трудно сказать — многие просто клюют на имя. Но мое ощущение, когда я читал эту книгу, что это уровень реферата студента первого курса на семь с плюсом по десятибалльной системе. Студента, который не очень хорошо разобрался, но рассуждает достаточно уверенно о тех или иных вещах. Он кое-что прочитал, это не полный бред, как это часто бывает. Но это весьма посредственное произведение, рассчитанное на людей, которые не имеют нормального гуманитарного образования.

ПРОФИЛЬ: И это при том, что сам Акунин, по крайней мере если судить по его предшествующим текстам, — безусловный гуманитарий. Как это может сочетаться?

Данилевский: Для меня это тоже загадка.

■ ВЛАДИМИР РУДАКОВ